УДК 811-159.9
DOI https://doi.org/10.32841/2409-1154.2019.43.4.44

Мизецкая В. Я.,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков профессионального общения
Международного гуманитарного университета

Ладыненко А. П.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков № 2
Национального университета «Одесская юридическая академия»

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Анотація. У статті розглядаються особливості розмовної мови, зумовлені психолінгвістичними факторами і перцептивними процесами. Для розмовної мови характерне використання великої кількості метонімічних номінантів, поява яких продукується насамперед лівою півкулею, здатною до дискретного подання інформації.

Завдяки здатності лівої півкулі репрезентувати інформацію дискретно у розмовній мові спостерігається значна кількість непрямих номінацій, які становлять атрибутивні й атрибутивно-функціональні комплекси (чим їдять, у сонячних окулярах та ін.)

Для спонтанної розмовної мови характерне використання великої кількості універсальних субстантивів (штука, річ, thingamabob), тобто слів широкої або невизначеної семантики, що зумовлено недосконалістю механізму вилучення з пам'яті необхідних вербальних одиниць, який іноді не спрацьовує в умовах непідготовленого мовлення.

Відсутність необхідних перцептивних умов нерідко призводить до неточної ідентифікації об'єкта і, як наслідок, появи квазіномінатем і апроксиматорів (схожий на сковороду, на зразок ковша та ін.). Поліпшення умов перцепції дозволяє знайти більш точну номінатему, що кореспондує з прототипним образом представленого для ідентифікації (впізнання) конкретного предмета.

Аналіз номінантів у розмовній мові показує, що в ній домінують мезономінатеми, тобто номінатеми, які займають проміжне положення між генералізаторами та конкретизаторами. Останні використовуються в ситуації, що вимагає уточнення або вибору.

Використання спеціальних некодифікованих номінантів замість офіційних прямих дозволяє ідентифікувати співрозмовника як «свого» або «чужого», що впливає на подальшу психологічну атмосферу спілкування.

Ключові слова: розмовна мова, метонімічна номінація, мезономінація, апроксиматори, універсальні субститути, квазіномінація, гемісферні особливості.

Постановка проблемы. Теория номинации – это изучение того, как понятие «находит» свои наименования. Она стала активно разрабатываться в европейском языкознании в конце XIX в., что привело к созданию нового направления в языкознании – ономасиологии. Сейчас эти вопросы попали в сферу внимания психологов, когнитивистов и нейрофизиологов [13; 14; 22].

Различные аспекты номинации рассматривались в достаточно большом числе работ [3; 4; 15; 16].

Однако далеко не все аспекты номинации получили должное освещение. Это, в частности, касается и особенностей номинации в разговорной речи (далее – РР), обусловленных психологическими факторами. Визуальная перцепция была объектом многих работ [1; 7; 17–19], но лингвистическая составляющая (переход ментальных образов в вербальные аналоги) практически не анализировалась.

В настоящей работе мы подробнее рассмотрим специфику использования различных видов номинации с точки зрения влияния психологического фактора и с учетом особенностей перцептивных процессов, главным образом – визуальных.

В процессе исследования использовался метод непосредственного наблюдения, а также проводились лингво-психологические эксперименты для выявления преимущественных способов номинации в различных референциальных ситуациях. Применялись также квантитативные методы для подтверждения результатов наблюдения.

Полученные данные сравнивались с данными других ученых, что позволило подтвердить или уточнить некоторые теоретические положения о категоризации действительности и особенностях активизации гемисферных зон мозга, когда он работает в режиме разговорной речи.

В частности, были уточнены механизмы метонимической репрезентации информации, способы компенсации недостатков механизма извлечения информации из памяти за счет универсальных заполнителей, а также были получены дополнительные данные, подтверждающие гипотезу о тенденции к мезономинативному способу обозначения предметов в бытовом диалоге. Материалом исследования послужили фрагменты реальной РР (русской и английской), зафиксированные авторами данной статьи (52 фрагмента), а также отрывки диалогической речи из некоторых современных художественных текстов (всего 23 диалогических единств, состоящих из 2–4 реплик).

К экспериментам по выявлению номинативной компетенции было привлечено 35 человек (мужчины от 25 до 50 лет), что позволило подтвердить выводы о наличии значительного числа номинативных лакун, которые в речи заполняются генерализаторами (универсальными субститутами), а также различными аппроксиматорами.

Исследование показало, что механизм уточняющей (корректирующей) номинации требует дальнейшего анализа так

же, как и определение причин сбоев в работе аппарата, отвечающего за выявление нужного прототипа для правильной идентификации образа предмета и его наиболее точной номинации.

Изложение основного материала. Номинатемы (вербальные единицы наименования) в структурном плане, как известно, могут быть однословными и сверхсловными (описательными). Обычно также выделяют прямые и косвенные номинации [4; 6].

В настоящей работе мы даем следующую трактовку данных терминов. Прямые номинации – это номинации, зафиксированные в словарях и используемые в кодифицированной языковой системе, т. е. имеющие официально закрепленный статус носителей определенных значений.

Все остальные номинации мы считаем косвенными. Это ситуативно обусловленные наименования, не закрепленные в кодифицированном языковом пространстве.

В РР используются как прямые, так и косвенные номинации. При этом доля последних в РР гораздо выше, чем в общелитературной речи. И прямые, и косвенные номинации имеют свои особенности в РР, которые мы рассмотрим подробнее.

Многие исследования, в т. ч. экспериментальные, показали, что за номинацию прежде всего отвечает левое полушарие головного мозга, одно из основных свойств которого проявляется в его способности производить дискретные операции, в т. ч. продуцировать отдельные слова и комбинировать их при назывании различных объектов и действий [5].

Благодаря свойству дискретности левое полушарие хорошо справляется с номинациями, основанными на метонимическом механизме, т. е. с такими конструкциями, в которых вместо целого представлена часть, по которой реконструируется/восстанавливается целостный холистический образ, за который отвечает правое полушарие. В РР весьма распространены подобные косвенные метонимические конструкции, которые не характерны для кодифицированной языковой системы. В случае включения метонимического механизма на первое место выдвигаются характерные (или кажущиеся говорящему таковыми) черты, которые могут передаваться атрибутивными комплексами:

(1) *Из соседней квартиры* недавно в тюрьму загремел.

(2) *В очках со второго этажа* опять упал.

(3) *The next door* tried to steal my necklace.

(4) *In the red coat* ran away.

Признаки, положенные в основу метонимической номинации, могут быть самыми различными. Для предметов торговли это обычно цена, цвет, размер. Наименования лиц в городских уличных разговорах, в транспорте чаще всего даются по одежде или какой-либо атрибутике (with a sack; в парике и т. д.).

Некоторые метонимические высказывания в РР приобретают клишированный характер. Например:

(1) *за свой счет* < отпуск за свой счет;

(2) *без рукавов* < платье без рукавов;

(3) *до шестнадцати* < фильм, который не рекомендуется смотреть до 16 лет и т. д.

Помимо атрибутивных метонимических комплексов используются и функциональные, сверхсловные комплексы, в которых базовым является глагол, т. е. номинации, которые характеризуют лицо по действию:

(1) *Напротив живет* уехала в Киев;

(2) *Окно в школе разбил* в вашем классе учится?

(3) *Playing the ball* your niece?

(4) *Riding a horse* your boy-friend?

В РР используются также конструкции, где основным элементом является относительное местоимение, которое может быть распространено именем или глаголом:

(1) Дай *чем завязать*;

(2) У тебя есть *во что завернуть*?

(3) Принеси *чем открывать*.

Номинации такого строя синонимичны однословным неконкретизированным названиям предметов:

(1) чем писать – ручка, карандаш;

(2) чем туфли чистить – крем для обуви;

(3) in which to sleep – ночная рубашка, пижама;

(4) with which to eat – ложка или вилка.

Подобные номинации называют предмет по самой общей его функции, но никак его не конкретизируют применительно к ситуации.

Частое использование таких косвенных номинаций связано с тем, что родовое наименование предмета звучит слишком официально, например, «моющее средство». В РР это кодифицированное название заменяется функциональным вербальным комплексом «чем стирать».

Когда говорящий затрудняется в выборе слова, ему легче назвать предмет расчлененно, т. е. описывая его функции:

(1) Принеси *с чем в лес пойдем*. < Принеси корзину.

(2) Fetch it … *with which to write*. < Fetch a piece of chalk.

Одна из особенностей разговорной речи, как известно, – ее спонтанность, неподготовленность [2; 12]. Даже зная тему разговора, собеседник заранее не отбирает конкретные вербальные средства. Он действует ситуативно. При быстрой спонтанной речи говорящий может не вспомнить нужное слово. Он часто не в состоянии подобрать наиболее точную лексему, которая бы его удовлетворила в полной мере. В таком случае используют слова-субституты самой широкой и неопределенной семантики. К их числу, например, относятся такие слова, как вещь, предмет, штука, штуковина, thing, thingy, thingamajig, thingamabob, whatchamacallit, whatsit, whatdoyoucallit, whatisname и др. Их нередко называют универсальными заполнителями (universal fillers), многие из которых представляют собой слова-агглютинативы (сращения). К ним примыкают слова и выражения, встречающиеся в конце высказываний, связанные с ранее перечисленными предметами: (and) things like that, and so on.

Значения универсальных заполнителей можно понять только из контекста. Объясняется данный феномен тем, что в бытовом диалоге нет того умственного напряжения, которое характерно для официального общения с необходимостью отбора наиболее релевантных слов, подходящих для конкретной референтной ситуации: «использование слов «размытой» семантической структуры – не окказиональная, а скорее интегральная черта разговорного дискурса, поскольку она является следствием известного ослабления интеллектуального контроля за речью, уменьшения напряжения, связанного с постоянным поиском наиболее точного способа выражения мысли, присущего, например, официальному общению» [10, с. 158].

Помимо слов с неопределенной семантикой, универсальных слов-заместителей используются также слова-аппроксиматоры, т. е. неточные обозначения предметов и действий. К таким аппроксиматорам, например, относятся слова, которые обозначают предметы, имеющие функции, в чем-то схо-

жие с функциями называемого предмета. Например, нами была зафиксирована ситуация, когда муж сказал, что нашел прищепку жены, имея в виду заколку для волос. И прищепка, и заколка выполняют приблизительно одинаковые функции: они помогают закрепить в определенном положении различные объекты. Ср.:

(1) «Заколка» от «заколоть» – закрепить, вкалывая что-нибудь острое, тонкое [9, с. 203].

(2) «Прищепка» – зажим для прикрепления к веревке повешенного на ней белья, платья и т. п. [9, с. 594].

Базовой для обоих слов здесь является сема «зажим». Мужчины в своём большинстве не очень интересуются женскими аксессуарами и их названиями. Поэтому подобная замена номинатемы вполне объяснима с точки зрения мужской психологии. Правда, в указанной ситуации мужчина мог использовать одно слово вместо другого не потому, что он не знаком со «сферой применения» указанных предметов, а потому что хотел передать своё ироническое отношение к увлечению жены разными украшениями.

Затруднения в номинации могут возникнуть в связи с тем, что словарный фонд отдельных людей не включает многих специальных терминов и официальных названий даже тех предметов, которые встречаются в повседневной жизни. Такие слова известны под названием «агнонимы» (термин Морковкина).

Наш эксперимент показал, что из 35 опрошенных (русскоязычные мужчины от 25 до 50 лет) только семеро сумели правильно назвать 3 из 10 предметов (инструменты и детали: муфта, колено трубы, стяжной болт и др.), которыми они пользуются у себя дома, когда хотят самостоятельно провести ремонтные работы, не прибегая к помощи специалистов.

В неофициальном разговоре названия, упомянутые в номенклатуре завода-изготовителя или названия, указанные на торговых ярлыках, постоянно заменяются описательными комплексными номинатемами или словами неопределенной семантики. Например, «Дай мне вот эту *штуковину*», – говорит муж жене, указывая на какую-нибудь замысловатую гайку, пытаясь починить кран в кухне или в ванной.

Нередко в качестве подобных номинатем выступают слова, относящиеся к ненормативной лексике. Так, отчаявшись наладить работу радиоприёмника, в досаде горе-специалист восклицает: «Да не хочет работать эта х-ня!». Использование обсценных слов в общеноминативной функции – тренд сегодняшней РР. При этом различия гендерного характера практически не наблюдаются. К сожалению, всё большее число женщин публично используют ненормативную лексику, считая это признаком равенства полов. Сказанное касается не только случаев, когда общение происходит в условиях накаленной обстановки, но и тех случаев, когда возникает потребность в назывании объектов, а подходящих точных слов не находится.

Наши наблюдения показали, что при категоризации действительности и выборе номинантов (номинатем) большинство людей, если речь не идет об особой сфере знаний в повседневной жизни, используют номинатемы, которые занимают промежуточное положение между наиболее обобщенными наименованиями (генерализаторами) и конкретными (конкретизаторами). Мы предлагаем называть их **мезономинатемами**.

Исследования 52 фрагментов реальной РР (ДЕ, включающие 2–4 реплики) показало, что в 72% были использованы мезономинатемы (пальто, шапка, щётка, губка и др.). Конкретизаторы составили 21% всех номинатем (длинное пальто, желтая шапка, зубная щетка и др.). И только 7% пришлось на слова-генерализаторы (мебель, одежда и др.).

Без особой надобности говорящие не используют конкретизоторы, если только эта конкретизация не имеет принципиальной идентифицирующего значения. Мать может сказать ребенку: «Надень пальто», когда ей необходимо указать, что надо одеться потеплее. Если же речь идет о необходимости выбора, тогда используется номинация-конкретизация: «Надень черное пальто – оно теплее!». И совсем неожиданно и неестественно будет звучать фраза матери, адресованная ребенку: «Надень верхнюю одежду», где используется гиперонимическая номинатема.

Наши наблюдения подтверждаются данными, полученными Э. Рош, которая подчеркивает, что при категоризации действительности и при номинации разных объектов и феноменов используются некие усредненные номинатемы [21; 22], которые мы, напомним, называем мезономинатемами.

Вместо точных наименований, закрепленных в словарях, в РР часто используются слова-эквонимы из одного и того же синонимического ряда, однако не совпадающие по целому ряду параметров, например, функционально или стилистически. Например, говорящий называет стакан бокалом или склянкой. Слово «бокал» предполагает изделие из более дорогих материалов и предназначен для использования во время официальных или торжественных мероприятий. Слово «склянка» имеет пренебрежительный оттенок, в то время как слово «стакан» является нейтральным и указывает на функцию «пить вообще» и на использование не очень дорогого материала, преимущественно стекла:

(1) стакан – стеклянный цилиндрический сосуд без ручки, служащий для питья [9; с. 752];

(2) бокал – посуда для вина в виде большой рюмки [9, с. 52];

(3) рюмка – небольшой сосуд на ножке, употребляемый обычно для питья вина [9, с. 682];

(4) склянка – небольшой стеклянный сосуд с горлышком [9, с. 712].

Наши повседневные наблюдения показали, что представители сферы обслуживания нередко раздражаются, когда клиенты/покупатели небрежно относятся к наименованию интересующих их товаров или блюд, которые они заказывают в ресторане, или предметов гардероба, которые они сдают в стирку и т. д., называя их словами, отличными от номенклатурных, указанных в прейскурантах, меню, а также на ярлыках, бирках и ценниках.

Приведем несколько фрагментов диалога, взятых из реальной жизни:

(1) Покупатель: Дайте мне вот эту булку.

Продавец: Это не булка, а багет.

(1) Покупатель: Мне шесть куриных ножек.

Продавец: Голеней?

(2) Покупатель: Покажите вот эту кружку.

Продавец: Это не кружка, а чашка.

(3) Покупатель: Мне нравится вот эта кофта.

Продавец: Кардиган?

Как видим, клиенты/покупатели склонны использовать либо слова широкой семантики, либо лексемы из одного и того же синонимического ряда, либо, наконец, функциональные

аппроксиматоры, а представители сферы обслуживания используют более точные названия товаров и изделий.

Поправляя покупателей, многие продавцы удовлетворяют своё уязвленное самолюбие. Тем самым, как им кажется, они ликвидируют ту социальную дистанцию, которую иногда ощущают, считая, что покупатели не относятся к их труду с должным уважением.

В свою очередь, подобные уточнения вызывают протест или раздражение у покупателей, поскольку под сомнение ставится их языковая компетентность. На этой почве иногда возникают настоящие словесные баталии:

Покупатель: Ну что вы меня поправляете?

Продавец: А если вы неправильно называете! Откуда я знаю, что вам надо! и т. д.

Говорящий может прекрасно знать название объекта или явления, однако в определенной ситуации он не может его идентифицировать, распознать. К таким факторам, затрудняющим идентификацию и соответственно номинацию предмета, относятся как объективные обстоятельства (темнота, шум, дистанцированность), так и субъективные, например, плохое зрение.

В этих случаях нередко используются номинации, включающие неопределённые местоимения и прилагательные с семой неизвестности или неопределенности:

(1) *Что-то* показалось вдали.

(2) *Какой-то непонятный предмет* замаячил передо мной.

(3) *Something unusual* knocked me down.

(4) *Something unknown* sparkled in front of him.

В реальных обстоятельствах, т. е. в той или иной референтной ситуации, идентификация предмета может осуществляться в несколько этапов. Так, в мире незнакомых предметов, в неизвестной обстановке механизм идентификации и номинации нередко выглядит следующим образом:

1. Ошибочная инициальная идентификация и соответственно ошибочная или неточная номинация (квазиноминация), обусловленная зрительной агнозией, затем корректирующая идентификация и соответственно корректирующая, более точная, номинация. Правильное распознавание осуществляется благодаря определенным изменениям первоначальной ситуации, облегчающим перцептивный процесс, например, сокращение дистанции между субъектом и объектом, изменение освещения (появление света или увеличение его яркости) и т. д., что позволяет «снять» временную агнозию и как следует разглядеть предмет. В результате появляются такие фразы, как, например, «Я думал что это *какая-то коряга*, а это оказалась *палка*».

Как известно, при дефиците информации наши анализаторы (зрительный, слуховой и др.) осуществляют «сравнение» полученных данных с разными, уже знакомыми из опыта перцептами, типизированными образами, зафиксированными в мозге. В нашем случае говорящий принял артефакт (палку) за природный объект (корягу) из-за сходства обоих объектов по удлиненной форме. В данном высказывании сначала представлена квазиноминатема, которая после опознания заменяется правильной, более точной номинатемой, значение которой отвечает характеристикам опознаваемого предмета, т. е. соответствует образу-эталону, хранящемуся, как считают многие ученые, в правом полушарии мозга [5].

На промежуточном этапе идентификации часто подключается аналоговый механизм мозга, контролируемый правым полушарием, что приводит к появлению в РР индикаторов подобия, схожести, кажимости (выглядеть как, быть похожим, напоминать, to look like, to seem, to remind of и др.), за которыми следует квазиноминатемы, которые в случае уточнения идентификации заменяются более точными наименованиями:

(1) Я увидел *что-то, напоминающее сковороду.*

(2) Я заметил *что-то вроде ковша*.

(3) It *looked like a bush*.

(4) It *seemed to be a frying-pan*.

В рамках неофициального общения проявляются и некоторые другие особенности социально-психологического характера. Например, достаточно типичной является ситуация, когда один из говорящих с помощью специфического набора номинатем хочет подчеркнуть свою принадлежность к определенной социальной группе или определенному классу, подчеркивая тем самым, что непонимающий его собеседник относится к сословию «чужих», что он не «свой». В случае необходимости приобщения «чужого» к «своим» посвященному собеседнику необходимо расшифровать непонятные номинатемы, объяснить их значение и тем самым ввести «чужака» в свой круг общения.

Примеры такого лингвистического «приобщения» можно найти у В. Пелевина. Так, в одном из романов нарратор попадает в чужую для него среду «большевиков»:

– За победу оно конечно, – сказал Барболин, – а *марафет*?

– Какой *марафет*? – спросил я.

– Ты дурочку не валяй. – строго сказал Жербунов, – нам Бабаясин говорил, что тебе сегодня жестянку выдали.

– Ах, так вы про *кокаин* говорите, – догадался я и полез в саквояж за банкой. – А то ведь «марафет», товарищи, слово многозначное [8, с. 26].

Жербунов и его собратья используют и другие непривычные названия, но хорошо понятные людям своего круга. Появление «чужого» приводит к необходимости давать пояснения для того, чтобы возникли доверительные отношения:

Жербунов открыл банку, взял со скатерти нож, зачерпнул им чудовищное количество порошка и быстро размешал его в водке <…> .

– Это, браток, с «Авроры» пошло, от стоков. Называется «балтийский чай» [8, с. 26].

В конечном счете выясняется, что «балтийский чай» – это кокаин с водкой.

Выбор специфических некодифицированных номинатем так называемыми «большевиками» свидетельствует об их принадлежности к определенной социальной группе. Чтобы перестать быть здесь «чужаком», герою-рассказчику приходится осваивать новый лексикон, пополняя свой запас слов номинатемами, не свойственными той социальной группе, выходцем из которой он является.

Выводы. Итак, номинация в РР имеет свои специфические особенности, в т. ч. обусловленные психологическим фактором и особенностями перцепции. Для номинации в РР, как показывает наше исследование, характерно следующее:

– в РР предпочтение отдаётся мезономинатемам, которые занимают промежуточное положение между наиболее общими номинатемами (генерализаторами) и наиболее конкретными номинатемами (конкретизаторами). Последние используются в тех случаях, когда необходимо сделать выбор или уточнить информацию об объекте называния;

– в РР широко используются средства метонимической номинации, что обеспечивается активной работой левого полушария, способного к дискретному представлению информации;

– в связи с несовершенством механизма памяти и припоминания в условиях неподготовленной речи активно используются слова – универсальные субституты (заполнители) с неопределенной семантикой;

– в РР используется широкий спектр аппроксиматоров. Их появление во многом обусловлено сложностями идентификации предметов, которые возникают по объективным и субъективным причинам в результате наличия неблагоприятных перцептивных условий (дистанцированности, неудачного фокуса или угла обзора, затемнения и др.), затрудняющих идентификацию и адекватную номинацию объектов. Их появление также объясняется общим несовершенством механизма перевода ментальных образов (прототипов) в вербальные аналоги;

– использование в РР средств специфической некодифицированной номинации является индикатором принадлежности говорящего к определенной социальной группе и позволяет ему распознать в собеседнике «чужого» или «своего».

Дальнейшие исследования предполагают более углубленное изучение механизмов перехода визуальных и других чувственных образов в их знаковые/дигитальные аналоги, а также уточнение функциональной нагрузки гемисфер и механизмов их взаимодействия при осуществлении идентификационно-номинативных операций. Дополнительного изучения также требуют механизмы аберрации, вызванные временной агнозией, при опознании объектов и способы соответствующих ментально-вербальных коррекций.

Литература:

1. Барабанщиков В.А. Психология восприятия. Организация и развитие перцептивных процессов. Москва : Когито-центр; Высшая школа психологии, 2006. 240 с.
2. Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики. Київ : Академія, 2004. 342 с.
3. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика. Москва : Международные отношения, 1979. 256 с.
4. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. Москва : Русский язык, 1979. 240 с.
5. Иванов В. Нечет и чёт. Асимметрия мозга и динамика языковых систем. *Избранные труды по семиотике и истории культуры*. Т. 1. Москва : Языки русской культуры, 1999. С. 381–602.
6. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. Москва : Наука, 1986. 157 с.
7. Невская А.А., Леушина Л.И. Асимметрия полушарий и опознание зрительных образов. Ленинград : Наука, 1990. 152 с.
8. Пелевин В. Чапаев и Пустота : роман. Москва : Эксмо, 2010. 416 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва : Сов. энциклопедия, 1964. 900 с.
10. Орлов Г.А. Современная английская речь. Москва : Высшая школа, 1991. 240 с.
11. Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь и её особенности. Москва : Просвещение, 1974. 144 с.
12. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1985. 210 с.
13. Слобин Л., Грин Дж. Психолингвистика. Москва : Едиториал УРСС, 2003. 352 с.
14. Солсо Р. Когнитивная психология. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 592 с.
15. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология. *Языковая номинация*. Москва : Наука, 1977. С. 294–358.
16. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва : Наука, 1986. 143 с.
17. Gordon I.E. Theories of Usual Perception. N.Y. : Wiley, 1997. 273 p.
18. Hendee W.P., Wells P.N. (eds). The Perception of Usual Information. N.Y. : Springer Verlag, 1993. 423 p.
19. Howard I.P. Human Visual Orientation. N.Y. : John Wiley, 1982. 320 p.
20. Miller G.A., Johnson-Laird P.N. Language and Perception. Camb. (Mass): Harvard University Press, 1976. 760 p.
21. Rosch E. Cognitive Representation of Semantic Categories. *Journal of Experimental Psychology: General.* 1975. P. 192–253.
22. Rosch E. Principles of Categorisation. *Cognition and Categorisation*. Hillsdale, 1978. P. 27–48.

Mizetska V., Ladynenko A. Nomination in colloquial speech (psycholinguistic aspect)

Summary. The article is devoted to the nomination peculiarities in the Colloquial Speech stipulated by the psychological factors and perception processes.

The investigation showed that the Colloquial Speech is characterized by a great number of indirect metonymic nominations which is accounted for by the ability of the left hemisphere to represent the information discretely. The attributive nominative structures alternate with the structures which nominate the object on the basis of its functions which brings about a lot of verbs complexes fulfilling the role of indirect nominative units (Riding a horse is my neighbour).

Another peculiarity of the Colloquial Speech is its spontaneous character. The memory mechanisms are rather imperfect and are not always ready to retrieve the necessary name from the memory in short time. In this case the forgotten units are replaced by the universal fillers with uncertain semantics (thingamabob, whatisitsname, etc.).

Sometimes it is difficult to identify and name any objects because of different circumstances which hinder the process of recognition. The aberrations of perception produce quasinomination and approximation caused by the failures in the mechanism of prototype search. The process of identification and exact nomination may have several stages of correction before the suitable word is found (false nomination or approximate nomination – exact nomination).

The analysis shows that in everyday speech people prefer to use mesonominations, that is the intermediate units which are set between generalizing and concretizing units.

The use of specific non-codified nominations is the indicator of the social status and belonging to a certain social group.

Key words: colloquial speech, metonymic nomination, mesonomination, approximation, universal fillers, quasinomination, hemispheric peculiarities.